

точки зрения, позволит Вашингтону и Брюсселю реализовать их геополитическую задачу в восточноевропейском регионе – снизить влияние Российской Федерации в европейской части постсоветского пространства и усилить в нем свое политическое, экономическое и военно-политическое присутствие за счет усиления своего геополитического влияния на белорусском направлении.

Руденкин В.Н.,
г. Екатеринбург

Л.Н. КОГАН О ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАССИВНОСТИ

*«Невозможность сознательно разобраться
в пестром калейдоскопе реальных и мнимых,
существующих и несуществующих политических партий
и движений не позволяет ответить на вопросы
"кто есть кто?", "кто кому служит?" и выступает
одной из главных причин политической пассивности
значительной части российского населения».*

Л.Н. Коган

В начале 1990-х годов мой товарищ и коллега Р.А. Бурханов предложил написать учебное пособие по достаточно новому тогда предмету «Политология», который лишь начинал преподаваться в вузах нашей страны. С этой идеей мы пришли ко Льву Наумовичу, и он не только поддержал ее, но и согласился поучаствовать в написании данного пособия. Мы были счастливы и с энтузиазмом взялись за работу. Так появились «Очерки политической теории» [1]. На этом наше сотрудничество со Львом

Наумовичем не закончилось, и вскоре мы подготовили еще одно учебное пособие [2], в котором появились написанные им новые главы – «Политические иллюзии», «Политическая идентификация», «Политические нормы». Он тогда уже сильно болел, но до последнего живо интересовался, как идет подготовка издания нашего пособия. К сожалению, вышло в свет оно уже после его смерти...

Это пособие спустя пять лет было переиздано [3] и до сих пор используется в учебном процессе. Я и сам нередко заглядываю в него, перечитываю написанные моим учителем главы и всякий раз ловлю себя на мысли, насколько актуально звучат многие его суждения и выводы. Порой складывается впечатление, что все это он писал не 17 лет назад, а совсем недавно, будто в наши дни. В частности, это касается размышлений Льва Наумовича о политической активности россиян. Отмечая, что неспособность идентифицировать себя ни с одной из политических сил является одной из причин политической пассивности россиян, он в то же время писал: «Идентификация личности с той или иной политической силой, разумеется, еще не гарантирует ее активного участия в деятельности движения, партии, организации. Политическая идентификация может ограничиться констатацией самого факта близости взглядов гражданина к позиции той или иной партии, а может явиться началом активного его участия в деятельности этой партии. Все зависит от степени *политической активности* личности» [4].

Далее Л.Н. Коган обращает внимание на тот факт, что даже при полном невнимании советского режима к проблемам политической антропологии в нашем общественном сознании, начиная с конца 1960-х гг., интенсивно разрабатывалось понятие «политической активности». Целью этих исследований было показать высокую политическую ангажированность советских людей – «торжество социалистической демократии». Однако это вовсе не означает, что подобные исследования не имели под собой никакой

почвы. Правильнее будет сказать, что в советском человеке противоречиво сочетались качества *активности и пассивности*.

Активность была одной из нормативных ценностей советского режима, и каждый советский человек должен был неукоснительно следовать ей. При этом под активностью понималась не столько инициативность, автономность, самореализация, сколько следование навязываемым «сверху» моделям поведения. Например, «каждый, имевший "общественное поручение" (а их было обычно 75–80% членов коллектива), заведомо объявлялся "политически активным", хотя никакого реального воздействия на политическую жизнь он не имел. Шли длинные схоластические споры о содержании понятия "политическая активность", которую одни рассматривали как синоним политической деятельности, другие – как готовность к такой деятельности, третьи – как "усиленную" ("сверхнормативную") политическую деятельность. Все эти теоретические дебаты и социологические исследования в условиях полного отсутствия политической свободы личности оказывались не более, чем фикцией, маскировкой реального политического отчуждения.

Проблема политической активности приобретает смысл лишь там и тогда, где и когда демократия создает условия для реального участия в политической жизни страны. ...Личность политически активна, когда она: во-первых, имеет *свои* (пусть и самые общие) политические цели и интересы; во-вторых, имеет *установку* на определенную политическую деятельность. Для того чтобы эта активность воплотилась в политической деятельности, необходим ряд условий, и прежде всего уверенность, что занятие политической деятельностью может иметь определенные общественные результаты» [5].

В советский период таких условий не было, а потому политическая активность чаще всего выступала в имитационных формах, за которым скрывалось глубокое социальное отчуждение. Да и в постсоветский период, породивший в самом начале всплеск подлинной, не имитационной и не

навязанной «сверху» политической активности, ситуация не сильно изменилась. Во всяком случае, тогда, в середине 1990-х гг., Л.Н. Коган имел все основания написать: «Отсутствие такой уверенности приводит к тому, что в современной России десятки тысяч политически активных людей не принимают никакого участия в политической деятельности» [6]. Л.Н. Коган выделял два типа пассивных людей – тех, кто принципиально отрицает политику, считает ее «грязным делом»; и тех, кто признает важность политики, но не проявляет к ней никакого интереса [7].

Что-то изменилось в этом отношении за последующие годы? Если и да, то не слишком. Прошедшие в России с небольшим интервалом две избирательных кампании (парламентская и президентская) дали заметный толчок пробуждению «митинговой активности». В Москве, других крупных городах прошли митинги и демонстрации, участники которых высказывали свое отношение к политике властей, к правилам «политической игры». Сам по себе этот факт, конечно, не является чем-то исключительным. Миллионы людей в разных странах реализуют таким образом свое конституционное право на свободу слова, выражают свое отношение (позитивное или негативное) к проводимому властями политическому курсу, тем или иным принимаемым ими решениям. Вправе ли мы ожидать, что отныне и в нашей стране эти формы «прямой демократии» станут привычной формой выражения политической активности и гражданской позиции?

Думается, что вряд ли – во всяком случае, в ближайшее время. Исследования социологов свидетельствуют о сильном влиянии советского прошлого, когда каждый человек просто обязан был проявлять свою политическую и общественную активность в «добровольно-принудительных», имитационных формах (ходить на собрания, субботники, митинги, демонстрации). Стоит ли удивляться резкому падению масштабов такой «активности» в постсоветский период? Страх быть наказанным за неявку на демонстрацию или митинг исчез (никто не заставляет на них ходить), а внутренней убежденности в том, что это может дать хоть какой-то

положительный эффект, у человека не сформировалось – вот он и перестал посещать такие мероприятия.

По данным социологов, наиболее массовая форма участия в политической и общественной жизни – выборы (27%); далее (в порядке убывания) – участие в коллективном благоустройстве подъездов, домов и т.д. (8%); сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (4%); участие в проведении избирательной кампании (2%); участие в работе домового комитета, в местном общественном самоуправлении (2%); участие в деятельности общественных организаций (1%); участие в деятельности профсоюзных организаций (1%); участие в митингах, демонстрациях, пикетах (1%); подписание коллективных обращений, петиций (1%) [8]. Почти две трети опрошенных (60%) социологами «Левада-Центра» россиян заявили, что они живут, полагаясь только на себя и избегают вступать в контакт с властью; и поступают они так потому, что такие люди, как они, не могут влиять на принятие государственных решений в стране (такую оценку разделяют почти 80% опрошенных) [9].

Возвращаясь к размышлениям Л.Н. Когана о соотношении активности и пассивности, хотелось бы добавить: *пассивность* – это не всегда проявление именно социального отчуждения, и уж тем более – *не антипод гражданственности*. Другое дело, что мотивация активности и пассивности может быть разной: если человек активен в задаваемых ему «сверху» формах, стремясь избежать личных неприятностей, то вряд ли такую активность можно считать проявлением его гражданственности. И наоборот, уклонение от участия или имитация активности как следствие глубокого неприятия человеком таких форм можно рассматривать как выражение глухого протеста против системы, в которой нет места для свободного социального творчества. Такого рода скрытый саботаж можно назвать закономерной реакцией общества на попытки властей сделать его абсолютно управляемым и послушным своей воле.

Словом, активность и пассивность не просто сочетались в советском

человеке; в силу характера самого режима они имели политическую подоплеку и по-разному сохраняли элементы гражданственности и социального капитала: *активность* – поддерживая интерес к политической и общественной жизни, *пассивность* – «гася» пафос официальных форм активности, ориентируя людей на выработку альтернативных форм социальности, в которых можно было реализовать подлинно гражданские качества. Более того, с течением времени многие традиционные формы активности наполнялись совершенно иным содержанием: скажем, большинство людей ходили на Первомайскую или Октябрьскую демонстрацию вовсе не столько для проявления солидарности с трудящимися других стран, сколько для того чтобы пообщаться друг с другом.

Да, это был пассивный протест, но он исподволь готовил почву для более решительных его форм, и когда в конце 1980-х годов на улицы вышли миллионы людей с требованиями свободы и прав человека, это стало закономерным следствием исчерпанности прежних форм примирения с режимом, прорывом общества к подлинно гражданским формам активности. Это стало возможным благодаря постепенному накоплению протестного потенциала, осознанию людьми своих целей и средств их достижения.

Не что-то ли подобное переживаем мы и сегодня? Да, россияне по-прежнему невысокого мнения о результативности и целесообразности коллективных действий с целью повлиять на тех, кто принимает политические решения – об этом свидетельствуют практически все социологические опросы. Ситуацию усугубляет идущая из прежних времен культурная традиция, сохраняющийся в менталитете россиян авторитарно-патерналистский синдром. Этот синдром проявляется в неверии граждан в свою способность повлиять на власть (даже на местном уровне); в недооценке потенциала совместных, солидарных действий; в низком уровне социального капитала, в разобщенности и отчуждении. Вместо характерной для гражданского общества стратегии солидарных действий во имя

достижения общих целей россияне пока предпочитают *стратегию индивидуальной адаптации* к неблагоприятно складывающимся обстоятельствам жизни. Это типичное проявление патриархально-подданнической политической культуры, которая формирует особый тип политического человека – не столько участника, сколько «зрителя», «наблюдателя», считающего политику уделом «больших людей» и предпочитающего дистанцироваться от нее. Так, почти две трети опрошенных (60%) социологами «Левада-Центра» россиян заявили, что они живут, полагаясь только на себя и избегают вступать в контакт с властью; и поступают они так потому, что такие люди, как они, не могут влиять на принятие государственных решений в стране (такую оценку разделяют почти 80% опрошенных) [10].

Еще одна немаловажная причина пассивности россиян – авторитарно-бюрократический стиль политической и административной элиты, ее нежелание и неумение поддерживать подлинно партнерские отношения со структурами гражданского общества. Следствием такого стиля стало утверждение в массовом сознании россиян убежденности в том, что элита пренебрегает их интересами и целиком сосредоточена лишь на собственных интересах, к тому же не особо обременяя себя при этом соблюдением правовых и моральных норм. «Чем, по Вашему мнению, прежде всего обеспокоены люди, находящиеся сейчас у власти?» – спрашивали россиян социологи «Левада-Центра» в марте 2011 г. И вот какие ответы получили: «собственной выгодой» – 27%; «стремлением удержаться у власти» – 27%; «интересами развития страны» – 14%; «защитой крупных корпораций» – 12%; «национальной безопасностью» – 10%; «благополучием обычных граждан» – 3% [11].

Такой «монологический» стиль элиты и невысокая оценка россиянами ее нравственных и деловых качеств лишь еще больше укрепляет в гражданах их скепсис относительно результативности и целесообразности различных форм политической активности. В свою очередь, политическая пассивность

россиян подпитывает уверенность элиты в том, что она «все делает правильно».

Порочный круг? И если да, то есть ли из него выход? Конечно, есть, и вполне возможно, что наше общество интуитивно его «нащупало», начав постепенно менять свое отношение к различным формам «прямой демократии». Масштабы этих перемен, конечно, не стоит преувеличивать. Как показывают опросы социологов, до перелома в общественном мнении относительно тех же митингов пока далеко. Россияне в своем большинстве по-прежнему не очень высокого мнения относительно их эффективности, а потому не особенно воодушевляются перспективой личного участия в них. Однако вполне адекватная реакция властей на всплеск «митинговой активности» и прозвучавшие в ее ходе претензии в свой адрес вполне может способствовать укреплению в гражданах веры в то, что они могут и впредь не без успеха использовать различные формы «прямой демократии» для выстраивания подлинно партнерских отношений с властью.

Похоже, и здесь Л.Н. Коган оказался прав: к россиянам постепенно приходит понимание того, что политическая активность не должна ограничиваться лишь их участием в выборах, тем более если они проходят не в строгом соответствии с правилами честной политической игры. И даже сознательная идентификация индивида с определенными политическими силами, интерес и внимание к политической жизни вовсе не гарантируют его участия в ней. «Этот отказ от деятельности диктуется либо неверием, что его деятельность способна что-либо изменить, либо отсутствием такой партии (или лидеров), цели и задачи которой устраивали бы его и отвечали бы его интересам» [12].

В то же время за прошедшие полтора десятилетия наше общество сильно изменилось. Представлять его сегодня как полностью атомизированное и не способное к каким-либо формам гражданской самоорганизации было бы неверно. В стране формируется средний класс, и пусть он пока явно не составляет большинства общества, но голос его уже

вполне «прорезался». Эти люди выражают запрос на иное качество государственных институтов, на их большую «отзывчивость» в отношении массовых слоев населения. Этим людям не нравятся непрофессионализм и коррумпированность элиты, ее невнимание к проблемам рядовых граждан, нежелание и неготовность признавать принцип равенства всех перед законом, строить и поддерживать равноправные, подлинно партнерские отношения с обществом. И эти люди – не маргиналы, не «бунтари»; они просто хотят иного – более высокого в сравнении с имеющимся на сегодняшний день – *качества жизни*. И, судя по всему, они поняли, что продолжать по инерции и по давней нашей культурной привычке ожидать положительных перемен исключительно от власти – наивно; что добиться этого можно лишь путем проявления подлинно гражданской активности. Так это или не так, покажет время.

Литература

1. См.: Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Очерки политической теории: Учеб. пособие. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994. – 240 с.
2. См.: Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Основы политологии: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – 250 с.
3. См.: Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Основы политологии: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. – 382 с.
4. Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Основы политологии: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. С. 337.
5. Там же. С. 33-338.
6. Там же. С. 338.
7. См.: там же. С. 339.
8. См.: Массовое политическое участие в России: только выборы или что-

то еще? // <http://wciom.ru/index.pxp?id=459&uid=111514>

9. См.: Об отношениях граждан и государства, роли простых россиян в политике <http://www.levada.ru/15-02-2012/ob-otnosheniyakh-grazhdan-i-gosudarstva-rol-prostykh-rossiyan-v-politike>
10. См.: Об отношениях граждан и государства, роли простых россиян в политике <http://www.levada.ru/15-02-2012/ob-otnosheniyakh-grazhdan-i-gosudarstva-rol-prostykh-rossiyan-v-politike>
11. См.: Чем обеспокоены люди, стоящие у власти? <http://www.levada.ru/press/2011040605.html>
12. Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Основы политологии: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. С. 339.

Сулейманов А.З.,
г. Уфа

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ»

Существующая концепция государственной национальной политики Российской Федерации неоднозначна по своему содержанию. По многим вопросам сужает ее возможности в плане решения разнообразных этнических проблем, а в некоторых ситуациях даже усугубляет их. Существует тенденция подмены национальной политики решением конфликтных проблем на межнациональной почве. Национальная политика не может быть всего лишь мерой временного воздействия, особенно касательно национальных субъектов Российской Федерации с присутствием компактного проживания этно-сообществ должна, несомненно, носить